

О. Н. Мухин

ПЁТР ВЕЛИКИЙ VS. ИВАН ГРОЗНЫЙ

ЛИЧНОСТЬ ПРАВИТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ СПЕЦИФИКИ РОССИЙСКИХ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ

Цель статьи – выявить факторы корреляции модернизационных преобразований в России раннего нового времени и особенностей становления психосоциальной идентичности монархов-реформаторов путем сопоставления личностей Ивана Грозного и Петра I с учетом соответствующих социокультурных контекстов. Сравнительно-исторический анализ позволяет определить причины большей результативности деятельности первого российского императора, а также выявить корни типичных проблем российской модернизации, свойственных ей вплоть до наших дней.

Ключевые слова: *Россия, модернизация, царская власть, идентичность, сравнительный анализ.*

Сравнение Петра I и Ивана Грозного имеет более чем трехсотлетнюю традицию и восходит к самому Петру, который считал себя во многом продолжателем дела своего грозного предшественника. Прежде всего, это касалось завоевательной политики, в которой действительно прослеживается явственная преемственность: начав с удара по «агарянам», оба затем боролись за возвращение «отчин и дедин» в Прибалтике¹. Для Петра Иван был образцом самодержавной власти, а также начинателем избранного им внешнеполитического курса². Историки же, прежде всего, обращают внимание на схожесть в стиле правления и чертах характера двух монархов. Я. Н. Любарский указывает на сходство обстоятельств биографий Ивана и Петра, которые приводили к схожим особенностям поведения: оба рано осиротели, еще детьми получили царское достоинство, испытали превратности придворных междоусобиц, были свидетелями кровавых событий, рано повзрослели и получили единодержавную власть. В результате обоим были свойст-

¹ Характерно, что во втором Азовском походе 1696 года русское войско сопровождала святыня, которую брал Иван Грозный в Казанский поход – полковое знамя с изображением лика Спасителя. *Богословский*. 2005. С. 276.

² *Погосян*. 2001. С. 48.

венны пьянство, жестокость, переменчивость, эксцентричность поведения в виде традиции ритуалов перевернутых отношений³.

А. М. Панченко и Б. А. Успенский также подчеркивают ряд сходных черт в правлении Ивана и Петра: раскол общества на две культуры, маркированные внешними признаками (прежде всего различиями в одежде), ярко выраженный игровой характер эпохи, разрыв с традициями. Авторы замечают, что «оба государя не удовлетворены культурным статусом и хотят его изменить»⁴.

Если схожесть черт этих двух «первых монархов» (определение Панченко и Успенского) легко демонстрируется уже одним перечислением, то различия и их причины для исследователей не столь очевидны. Достаточно заметить, что сходные обстоятельства в детстве пережил и Людовик XIV, которого, однако, никто не причисляет к сонму знаменитых тиранов. Отсюда возникает необходимость сопоставления обстоятельств конкретных life-history правителей с макроуровневыми концептами, такими как цивилизационный подход и теория модернизации.

Известно, что России свойственен эндогенный тип модернизации, характеризующийся, помимо прочего, жестко вертикальной (сверху вниз) направленностью преобразований, когда главным инициатором реформ является правитель и его ближайшее окружение. Большая часть населения страны при этом является либо пассивными созерцателями, либо полигоном или даже жертвами модернизационных процессов. Отсюда большинство периодов радикальных реформ связаны в нашей исторической памяти с образом жестоких, авторитарных правителей (Иван Грозный, Пётр I, Сталин). Однако обращение к анализу личности и обстоятельств правления этих исторических персонажей позволяет скорректировать обобщенные характеристики.

Несмотря на схожесть фигур Ивана и Петра есть существенное различие между ними: при всех издержках деятельность Петра оказалась позитивной и результативной, он оставил после себя могущественную державу, тогда как последствия правления Ивана в целом негативны и разрушительны, во многом именно они привели страну на грань катастрофы Смутного времени. В чем же причины такого различия? Не отражает ли специфика идентичностей этих двух монархов своеобразие разных этапов российских процессов модернизации?⁵

³ Любарский. 1989. С. 56–65.

⁴ Панченко. 1983. С. 55–60.

⁵ В постановке вопроса я отталкиваюсь от выдвинутой и аргументированной И. Ю. Николаевой гипотезы о коррелируемости процессов деформации социально-

Одна из основных черт, сближающих в глазах как историков, так и обывателей фигуры Ивана Грозного и Петра I – это крайняя жестокость их как в личностном плане, так и в управлении государством. Сам Пётр знал об этом образе своем и Ивана. И. И. Голиков приводит слова, сказанные Петром в 1722 г. герцогу Голштинскому об Иване Грозном: «Сей государь есть мой предшественник и образец; я всегда представлял его себе образцом моего правления в гражданских и воинских делах, но не успел еще в том столь далеко, как он. Глупцы только, коим не известны обстоятельства его времени, свойства его народа и великия его заслуги, называют его мучителем»⁶. В том же духе высказывался Пётр и о себе: «Знаю я, что меня называют жестоким и мучителем, однако, по счастью, те только чужестранцы, кои ничего не знают об обстоятельствах, в коих я сначала многие годы находился, и сколь многие из моих подданных препятствовали мне ужаснейшим образом в наилучших моих намерениях для отечества, и принудили меня поступить с ними со всякою строгостию, но не жестоко, а менее еще мучительно»⁷.

Попытка Петра откреститься от столь неприятных обвинений вполне понятна, ведь и Иван посвятил подобным оправданиям значительную часть своего литературного наследия. В пользу этих обвинений говорит масса фактов: опричный террор Ивана, «утро стрелецкой казни» и жертвы строительства Санкт-Петербурга Петра, уничтожение ими собственных сыновей. Такая стилистика поведения объясняется как особенностями формирования их идентичности, так и политическими и социальными традициями Российского государства.

Корень негативных черт личности обоих правителей лежит в их детстве. Важнейшую деформирующую роль в становлении идентичности Ивана и Петра сыграли стрессы, полученные в раннем возрасте в ходе притеснений со стороны правящей элиты и бунтов, сопровождавшихся истреблением их родственников и представителей ближайшего окружения. В 1547 г. московские «черные люди» ворвались в Кремль, выволокли дядю царя, князя Юрия Васильевича Глинского, из Успенского собора и забили камнями. Труп его вытащили из Кремля и бросили перед Торгом, «иде же казнят» (так обращались с трупами казненных за измены по приговору «мира»). Несколько дней Москва находилась во власти восставших, которые разграбили дворы Глинских, перебили

психологической идентичности Ивана Грозного и срыва наметившихся процессов Перехода в России XVI века. См. об этом: *Николаева*. 2005. С. 143–243.

⁶ Пётр Великий в его изречениях... 1991. С. 17.

⁷ Там же. С. 19.

большое число их вооруженных слуг. Иван в это время, после страшного пожара, почти уничтожившего Москву, жил в подмосковной резиденции Воробьево. Вскоре восставшие явились и туда с требованием выдать им другого царского дядю, Михаила Глинского, и бабу княгиню Анну, которые, по их убеждению, прятались у царя⁸. Именно их народ считал повинными в пожаре. Эта встреча с вооруженным народом произвела очень сильное впечатление на царя. В речи на Стоглавом соборе в 1551 г., вспоминая о событиях 1547 г., царь говорил: «И от сего убо вниде страх в душу мою и трепет в кости моа»⁹.

Переживания Петра были еще страшнее, так как он сам присутствовал при кровавых сценах, разыгравшихся в Кремле в 1682 г. (к тому же на тот момент он был значительно младше Ивана – ему было десять лет, тогда как Ивану в 1647 г. было шестнадцать). Вот лишь один эпизод, описанный очевидцем и сыном одной из главных жертв стрелецкого неистовства Андреем Артамоновичем Матвеевым:

«От дворцовой стороны, из сеней Грановитой палаты, ворвались других полков стрельцы, с свирепым стремлением и с тиранским нападением, бесстыдно оторвав его, Матвеева (Артамона Сергеевича, бывшего “канцлером” в последние годы царствования Алексея Михайловича. – *О. М.*), от рук их царских величеств, похитили, и хотя милосердо ее величество государыня царица его не хотела отдать, но невозможно было. И в тот час из бояр князь Михаил Алегукович Черкасский зело великодушное и высокой памяти достойное дело учинил, оставя смертный час, из рук их отнял его, упав на него. И тою верноискреннею христианства целостию сам избавитель наш Господь Иисус Христос своим божественным похвали словом тако: “Несть паче той любви, иже положит душу свою за други своя”. И те неукротимые и человеческой крови исполненные руки, радостно и сладостно желательные его, боярина Матвеева, ни в чем им неповинного, изпод него, боярина князя Черкасского, вырвав, разодрали на нем, помянутом князе, платье, и потом бросили с Красного крыльца на площадь против Благовещенского собора, и с таким своим тиранством варварскими бердышами все его тело рассекли и разрубили так, что ни один член целым не нашелся <...>. В тот же самый час те изменники, львовым образом безобразно воссвирепевшие и осквернившиеся невинных оных страдальцев бояр кровию, закричали во многие свои голоса, что “пришла уже самая пора, кто нам надобен, разбирать”. И склоня копыя пред собой, побежали все с неистовым своим бунтовством в царские палаты искать якобы еще других изменников»¹⁰.

⁸ Скрынников. 1980. С. 28–29.

⁹ Слова царя Ивана IV Васильевича... 2005. С. 121.

¹⁰ Матвеев. Записки. С. 377–378.

В результате детских стрессов и Иван, и Пётр получили негативным образом сказывающееся на формировании идентичности качество, обозначаемое в психоанализе как «базисное недоверие»¹¹. Однако следует учесть и более широкий социально-психологический контекст. Русскому обществу как в XVI, так и в XVII в. был свойственен авторитарный социальный характер (терминология Э. Фромма), подразумевающий господство садо-мазохистских черт, которые, в свою очередь, подразумевают стремление подчиняться и подчинять, тесно связанные друг с другом и порождающие повышенный уровень страха и неуверенности в обществе, или, по определению другого автора, К. Хорни, невротизма. Причем именно периоды кануна правления как Ивана, так и Петра, то есть первая половина XVI и вторая половина XVII в., характеризуются активными идейными исканиями и спорами, приводившими к обострению невротизма. Если в первом случае это дискуссии нестяжателей и иосифлян, а также расцвет различных ересей, то во втором – церковный раскол и нарастание европеизаторских тенденций, из-за чего как в среде простого народа, так и правящей элиты возникают панические настроения, принимавшие формы апокалиптических ожиданий¹².

Все это не могло не сказаться на психике и характере выросших в этих обстоятельствах монархов, которые (и оба осознавали это) к тому же несли ответственность за своих подданных перед Богом. Однако можно утверждать, что для Ивана все сложилось гораздо хуже, так как его базисное недоверие приобрело характер базальной тревожности¹³, проявления которой, по крайней мере в столь явной форме, у Петра не обнаруживается. Более того, в силу большей близости исторической архаики структура идентичности Ивана Грозного оказалась податлива тем явлениям, которые связаны с деформацией этико-нравственного

¹¹ Отсутствие базисного доверия к миру с самых ранних стадий формирования идентичности лишает ее важной подпитки психологической уверенности в себе на последующих стадиях жизненного цикла. Оно закладывает основания для базисно тревожной структуры идентичности, если условия дальнейшей социализации не компенсируют дефектов этой стадии. Такой тип социализации, как правило, сопряжен с повышенным невротичным складом со всеми сопутствующими ему чертами. Подробнее см.: Хорни. 2002; Эриксон. 1996.

¹² За кадром этих явлений отчетливо проступают контуры активизации того уклада, который является мотором всех этапов модернизации, – развитие товарно-денежных отношений вкупе с новыми практиками экономического хозяйствования.

¹³ Базальная тревожность – несоразмерная реакция на воображаемую опасность – может сопровождаться в качестве своеобразной защитной реакции агрессией в отношении других, как правило, ситуативно более слабых лиц. См.: Хорни. Указ. соч. С. 31–34.

кода сознания и поведения личности¹⁴. (Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и особенности врожденного темперамента двух монархов, на разность которых обращал внимание еще К. Ярош¹⁵).

Отсюда и различия, которые можно выявить в проявлениях жестокости обоих монархов. Для Ивана истребление людей часто становилось самоцелью, от его руки пало множество людей, его садистские выходки маркировали базальную тревожность, которую он не в силах был преодолеть в течение всей жизни. Пётр же применял жесткие меры лишь вследствие действительных, доказанных проступков. Безусловно, отклонением в поведении Петра на фоне «нормального» поведения как русских, так и европейских правителей было его непосредственное участие в пытках и, может быть, казнях (хотя этот факт твердо не доказан). Самый яркий пример – следствие после стрелецкого бунта 1698 г. Если обратиться для сравнения к Франции того же времени, то мы увидим вполне характерную разницу с поведением как Ивана Грозного, так и Петра. Безусловно, бунты и мятежи подавлялись Людовиком XIV достаточно жестко: война Люстюкрю (бунт в Булонне) в 1662 г. закончилась ссылкой на галеры 400 человек и дюжиной повешенных и колесованных; после восстания в Шалоссе под предводительством Одижо в 1663–1665 гг. многие казнены, несколько десятков сосланы на галеры. Но показательным является то, что казнили только зачинщиков и схваченных с оружием, всех, кто хотел отойти от восстания амнистировали, и репрессии не затягивались¹⁶. И уж точно мы не найдем примеров собственноручных пыток и убийств, учиненных Людовиком¹⁷.

Весьма показательной является и история с сыноубийством. Известно, что оба царя стали виновниками смерти своих старших сыновей, однако Иван Грозный убил сына Ивана собственными руками в приступе гнева, Петр же осудил царевича Алексея через официальные процедуры. Причем и основания у Петра были вполне рациональными. Дело

¹⁴ Подробнее об этом см.: *Николаева*. 2005. С. 143–214.

¹⁵ *Ярош*. 1898.

¹⁶ *Блюш*. 1998. С. 237–238.

¹⁷ А вот насчет многотысячных жертв эпопеи строительства Петербурга можно отметить, что совершенно аналогичное пренебрежение жизнями простых подданных демонстрировал и правитель «цивилизованной» Франции, блестящий Король-Солнце, в ходе постройки Версаля. В данном случае речь скорее идет не о жестокости как планомерном применении немотивированной силы в отношении подвластного, безответного населения, но о безразличии к судьбе простых исполнителей монаршей воли.

не только в том, что он не любил отпрыска от первой нежеланной супруги и хотел освободить место для недавно родившегося сына его и Екатерины. Бежавший за границу Алексей представлял реальную угрозу государству: существуют свидетельства о том, что при австрийском и шведском дворах обсуждалась возможность использования царевича против его отца и Российского государства в целом¹⁸. Любой другой на месте Алексея в аналогичной ситуации непременно был бы осужден на смерть, так что Пётр здесь продемонстрировал верность прокламируемым им принципам служения Отечеству, что было подчеркнуто и самой процедурой – Алексей был осужден не царским указом, но решением всех высших чинов государства.

Однако если мы обратимся к сходным примерам в современной Петру Европе, то увидим, что там подобные ситуации могли разрешаться иначе. Сын прусского короля Фридриха Вильгельма II, будущий Фридрих Великий, не выдержав жесткого обращения отца, бежал вместе со своим другом фон Катте. Их изловили и заключили в тюрьму. История закончилась трагически, но совсем иначе, нежели в случае царевича Алексея: фон Катте был казнен на глазах Фридриха, однако для самого наследника все обошлось лишь этим эмоциональным стрессом.

Указанные особенности наглядно проявлялись в смеховой сфере. Придворная обстановка при Иване и Петре была насыщена проявлениями перевернутых отношений, характеризуюсь прорывом смеховой стихии. Оба царя прославились грубостью своих выходов в отношении окружающих, невзирая на статус объекта насмешки. Иван, например, «для услады своей души» приказывал зашить в шкуру медведя кого-нибудь из знатных людей и выпускал на него собак. Те разрывали его на глазах Грозного и его сыновей, «которые страстно наслаждаются такими зрелищами»¹⁹. За его столом звучали остроты и шутки низкого сорта, причем «чем грязнее и бесстыднее ведет себя кто-нибудь за столом тирана, тем является он ему за это более угодным и приятным»²⁰.

О подобных же жестоких шутках молодого Петра, часто происходивших в рамках святочных увеселений, сообщает Б. И. Куракин: «И в тех святках, что происходило — то великою книгою не описать, и напишем, что знатнаго. А именно: от того начала ругательство началось знатным персонам и великим домом, а особливо княжеским домом многим и старых бояр. Людей толстых протаскивали сквозь стула (стулья),

¹⁸ См.: Бушкович. 2008. С. 368–370.

¹⁹ Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 39.

²⁰ Цит. по: Николаева. 2004. С. 130.

где невозможно стать. На многих платье (раз)дирали и оставляли нагишем, иных гузном яицы на лохани разбивали. Иным свечи в (задний) проход забивали; иных на лед гузном сажали; иных в (задний) проход (кузнечным) мехом надували, от чего один Мясной, думной дворянин, умер. Иным многия другая ругательства чинили. И сия потеха святков так происходила трудная, что многие к тем дням приуговотвливались, как бы к смерти»²¹.

Особенно ярким проявлением смеховой стихии при дворах обоих правителей были ритуально-простроенные пародийно-кошунственные обряды. И Иван, и Пётр на протяжении всей жизни устраивали «бесовские игрища», сопровождавшиеся обильными возлияниями. Князь Курбский, критикуя поведение и окружение Ивана IV после разгона Избранной рады, приводит и такое описание:

«Часто пиры начинают устраивать со многим пьянством, а от этого всякие грехи случаются. И что еще к этому добавляют? Чаши огромные, воистину, дьяволу посвященные. А чаши те такие: наполняют их сильно хмельным питьем и предлагают первым царю выпить, а потом всем пирующим с ним, и если этими чашами вусмерть, или, лучше сказать, до неистовства не упьются, то они другие и третьи чаши добавляют, а не желающих их пить и такие беззакония творить заставляют с большой настойчивостью и царю доносят: “Вот, говорят, этот и этот, и имя называют, не хочет на твоём пиру весел быть, видно, тебя и нас осуждает, и насмехается над нами как над пьяницами, лицемерно праведность свою выставляя. И значит, они – твои недоброхоты, раз тебе не следуют и тебя не слушают, видать, еще Сильвестров или Алексеев дух, то есть обычай, не вышел из них!” И иными, кроме этих, многими словами бесовскими множество мужей трезвых и воздержанных, добродетельных в жизни и нравах, поносят и срамят, выливая на них чаши те проклятые, которые не захотели они выпить, а часто и не могли, и к тому же смертью и различными муками им угрожают, а немного позже многих из-за этого и погубили»²².

В том же духе любил «развлекаться» и Пётр. В записках иностранных наблюдателей неоднократно встречаются описания празднеств, на которых гостей поили фактически насильно, не отпуская домой. Например, Ф.-В. Берхгольц сообщает, как однажды в 1721 г. Пётр в ходе маскарада заставил «собраться в здании Сената всем маскарам, которые почему-либо не явились туда в прошедшее воскресенье, чтобы исполнить не исполненное ими, т. е. выпить столько же, сколько выпили другие. Для этого были назначены два особых маршала – обер-полицеймейстер и денщик Татищев, которым было

²¹ Куракин. Гистория о царевне Софье и Петре. С. 325.

²² Курбский. Из «Истории о великом князе московском». С. 350.

поручено смотреть, чтобы ни один из гостей, кто бы он ни был, не возвратился домой трезвым, о чем эти господа, говорят, и позаботились как нельзя лучше. Рассказывают, что там было до тридцати дам, которые потом не могли стоять более на ногах и в этом виде отосланы были домой. Многим из них это удовольствие не обошлось без головной боли и других неприятностей. Приказание императора было так строго, что ни одна дама не осмелилась остаться дома»²³.

Если для контраста обратиться к современным Петру западным обществам, то мы увидим существенные отличия. Тот же Берхгольц описывает существовавшую при дворе герцога Карла-Фридриха Голштинского, его государя, так называемую тост-коллегию, собрание избранных с особым уставом, главное назначение которого – веселое времяпровождение²⁴. Но это собрание отличалось все-таки меньшими масштабами возлияний, а, главное, их добровольностью, ведь здесь даже сам герцог должен был подчиняться условиям, за исполнением которых следил очередной хозяин коллегии, и вынужден бывал уйти против своего желания домой²⁵. Еще большей «цивилизованностью» отличались развлечения Людовика XIV. Он любил уезжать в загородный дворец Марли, приглашал с собой 50–60 персон, тщательно отобранных. Присутствовали члены королевской семьи, постоянные гости, офисье королевского дома, высшие должностные лица. Считалось, что здесь, на отдыхе, церемониал отменялся, и царил непосредственная атмосфера. Однако исследователь биографии Людовика Ф. Блюш отмечает, что это не так: развлечения французской элиты носили явственный отпечаток всей придворной жизни, проникнутой духом ритуала и иерархии²⁶.

Но в поведении Ивана и Петра в «партикулярной» обстановке есть и явственные отличия. Достаточно привести конкретные примеры. Однажды Иван заколол ножом князя Гвоздева, славившегося непристойными застольными шутками, за особо грязные остроты. Он же приказал «резать язык» одному из своих приближенных, Афанасию Бутурлину, за «невежливое слово»²⁷. Совсем иначе вел себя Пётр. Однажды флотский лейтенант Мишуков, будучи в подпитии, спросил его со слезами: «На кого ты нас покинешь? Как на кого? У меня есть наследник – царевич», – ответил царь. На что Мишуков возразил: «Ох, да ведь он глуп,

²³ Берхгольц. Дневник... С. 237.

²⁴ Там же. С. 120.

²⁵ Там же. С. 163.

²⁶ Блюш. Указ. соч. С. 445–447.

²⁷ Николаева. 2004. С. 130.

все расстроит». Тогда Пётр тихо произнес, стукнув его по лбу: «Дурак, этого при всех не говорят!»²⁸. На этом разговор и окончился.

Еще более наглядное свидетельство о довольно успешных попытках Петра обуздать свой вспыльчивый нрав и ввести его в рамки «цивилизованности» приводит датский посланник Юст Юль. Во время одного из празднований на царской яхте «Лизетта» случился инцидент, немыслимый при дворе Грозного. Не будучи в состоянии продолжать пьянствовать, Юль хотел покинуть яхту, однако был остановлен офицерами, велевшими ему от имени царя вернуться. Юль стал отказываться, его пытались вернуть силой, тогда он выхватил шпагу. Тут появился Пётр в сильном опьянении и пригрозил посланнику пожаловаться его государю. Как отмечает сам Юль, «всердцах, пьяный, я со своей стороны ответил ему тоже не особенно мягко, – (что) имею гораздо более оснований сетовать на тех, которые таким образом хотят действовать относительно меня насилем»²⁹. В конце концов, Пётр «в гневе» забрал у Юля шпагу и велел его отпустить. На следующее утро царь пригласил Юля к себе и сказал следующее: «Камрат, ...ото (всего) сердца прошаю вам то, в чем вы, быть может, предо мною виноваты, но и вы должны простить меня, если я в чем-либо провинился пред вами, и более про то не вспоминать». Юль добавляет: «Обращался он ко мне совсем как к равному. И таким образом этот неприятный инцидент был вполне улажен, а затем мы снова принялись весело пить»³⁰.

Как можно объяснить эти особенности поведения правителей?

Оба монарха оказались на престоле в раннем возрасте (Иван в три года, Пётр в десять лет), потеряв отцов. Однако Иван в восемь лет, после смерти матери – Елены Глинской – остался круглым сиротой, тогда как мать Петра Наталья Кирилловна умерла, когда ему было двадцать два года, то есть в прямом смысле сиротой в детстве он не был, получив прививку материнского тепла и, пусть урывками, воспитания.

Далее, обычно принято считать, что роковую роль в отсутствии воспитания и девиантном поведении Петра сыграло удаление из Кремля. Одновременно историки подчеркивают, что пребывание в Преображенском заложило основы разносторонней и раскрепощенной личности Петра. И то, и другое одинаково верно. Конечно, Пётр не стал «правильным» русским царем, таким, какими были его дед, отец и старший брат. Однако если сопоставить обстоятельства его детства с аналогич-

²⁸ Ключевский. 1990. С. 206.

²⁹ Юль. Записки датского посланника в России при Петре Великом. С. 170.

³⁰ Там же. С. 171.

ным периодом в жизни Ивана IV, то можно утверждать, что эта «ссылка» в Преображенское стала для Петра спасением. Оказавшись на свободе в загородных царских резиденциях, он не только был лишен доступа к реальной власти, но и оказался вдали от стрессогенной придворной обстановки, где было много врагов или недоброжелателей.

Иван же в раннем возрасте оказался в чуждом окружении, испытывая унижения и оскорбления со стороны бояр, о чем помнил всю жизнь и, в частности, упоминал в письмах к Курбскому. Например, он пишет, что его вместе с младшим братом Юрием плохо кормили и одевали, «ни в чем нам воли не было, но все делали не по своей воле, и не так, как обычно поступают дети»³¹ (курсив мой. – О. М.). Именно этот сверхконтроль не должен был позволить развиваться у Ивана положительным качествам начальных стадий жизни – автономии, инициативы, трудолюбия, вместо этого приведя к развитым сомнениям в собственной значимости, стыду, чувству неполноценности³².

Еще одно важное отличие состоит в том, что Иван, будучи законным наследником престола, гораздо болезненнее переживал отстранение от власти, чувствуя униженность своего положения. Пётр же долгие годы был лишь самым младшим мужским представителем царского рода, и, даже получив царский титул в десятилетнем возрасте, совершенно не проявлял интереса к этой стороне жизни, во многом благодаря широким возможностям приложения энергии (благо до двадцати четырех лет он официально оставался всего лишь младшим соправителем брата Ивана, исправно исполнявшего все официальные придворные церемонии). Отличительные черты двух царей родились во многом именно из обстоятельств их детства: Пётр на всю жизнь стал практиком, предпочитающим физический труд и открытое общение, тогда как Иван был болезненно склонен к раздумьям. Ключевский пишет об Иване: «В 17–20 лет, при выходе из детства, он уже поражал окружающих непомерным количеством пережитых впечатлений и передуманных мыслей, до которых его предки не додумались и в зрелом возрасте»³³. Чуть в более позднем возрасте Пётр производил на наблюдателей не меньшее впечатление своими практическими навыками, будучи знатоком полутора десятков ремесел.

Отсюда и различия в отношении к власти. «Иван рано и много, раньше и больше, чем следовало, стал думать своей тревожной мыслью

³¹ Первое послание Ивана Грозного А. Курбскому. С. 143.

³² См.: Эрикссон. 2000.

³³ Ключевский. 1990. С. 97.

о том, что он государь московский и всея Руси»³⁴. С одной стороны, никто не отрицал его права на престол, он был окружен внешними ритуализированными почестями, с другой стороны, он постоянно сталкивался с пренебрежением и неуважением как по отношению к себе лично, так и к памяти покойного отца. Но главным обстоятельством стала невозможность до поры до времени каким бы то ни было образом изменить ситуацию. Отсюда столь болезненное и противоречивое отношение к собственным властным полномочиям в зрелом возрасте. Иван, судя по его поведению, особенно в годы опричнины, как показала И. Ю. Николаева, постоянно метался между чувством страха перед Богом и чувством вседозволенности по отношению к подданным³⁵.

Пётр также вынес двойственное впечатление о царской власти из детства. Еще в десятилетнем возрасте он прошел обряд царской инициации, но тут же, в ходе бунта, осознал всю опасность этого статуса. Однако далее он не имел особых оснований переживать по поводу утраты своего царственного положения, которого в детстве так и не вкусил. Всю свою энергию он направил в те сферы жизни, которые никак не соответствовали царскому положению (кораблестроение, потешные сражения, приобретение навыков в различных ремеслах). Отсюда вышло его представление о пути укрепления своей власти – практическом усилении самодержавия и управляемого им государства. И основания своей власти он искал не в досужих размышлениях, но в собственной практической деятельности и в идее служения отечеству. Пётр в значительной мере смягчает противоречие, обуревавшее Ивана, между рабским положением по отношению к Богу и господским к подданным, найдя в идеологии его времени указанную идею, требовавшую максимальной отдачи в практических действиях, но не столь морально-обременительной уже в силу своей светскости.

Эту разницу можно наглядно объяснить с помощью теории установки³⁶. И Иван, и Пётр оказались в ситуации кризиса идентичности, причем не только личной, но и социальной (откуда их стремление к реформированию государства и общества), то есть реальные окружающие условия приходили в несоответствие с единой нефиксированной установкой, важными составными частями которой являлись идеи мессианской избранности, могущества православного Русского царства и неограниченности монаршей власти. И если Пётр

³⁴ Там же. С. 100.

³⁵ См.: Николаева. 2005. С. 143–214.

³⁶ См.: Узнадзе. 2001.

имел возможность достаточно свободной выработки новых фиксированных установок в рамках своей практической деятельности, то Иван так и оставался в плену несоответствий. Из-за меньшей свободы действий психика Грозного жестче «застревала» на тех установках, которые все же вырабатывались ею в ходе житейского и политического опыта, лишая его идентичность способности гибко реагировать на существующие социокультурные обстоятельства. Одной из таких базовых установок стала идея избранности Богом, родившаяся в результате взятия Иваном Казани. Именно через призму этой идеи в дальнейшем, даже когда прекратились позитивные сигналы, он будет рассматривать все события своего царствования.

В силу невротического склада личности Иван в ситуациях неудач впадал в депрессию и неистовство, обрушивая непропорциональный вине гнев на окружающих – его базовое недоверие не было завуалировано и смягчено на других стадиях становления идентичности. Это отчетливо видно в самом феномене опричнины, которая во многом стала реакцией на неудачи в Ливонской войне³⁷. Пётр же, благодаря накопленным на детских стадиях позитивным качествам, был способен рационально просчитывать причины неудач уже с юного возраста (пример – первый Азовский поход), и хотя отсылался к воле Божьей и при победах, и при поражениях, но четко осознавал и степень своего участия (так было и после Нарвы, и после Прута). Срывов после политических неудач не обнаруживается. Все это имело место благодаря выработанному в детстве чувству инициативы, умения полагаться на свои силы, видеть результаты своего труда. Скорее срывы его связаны с личной сферой, с предательством, неверностью или непониманием его замыслов, что связано с базовым недоверием, но смягчено другими позитивными качествами.

³⁷ Характерный пример: подчеркивая свои достоинства в качестве кандидата на польский престол, Иван, знавший, что за рубежом имеет образ вспыльчивого и злого правителя, нашел выход – обвинил своих воевод в предательстве, приведшем к сожжению Москвы Девлет-Гиреем: «Если бы в Москве было не более тысячи людей для обороны, и тогда бы она могла оборониться. Но если большие люди не хотели оборониться, то как могли меньшие. Москву сожгли, а мне знать не дли. Посуди же, какова измена моих людей, и потому, если кто и был казнен, то за свою вину» (*Костомаров*. 1989). Ср. письмо Петра Б. П. Шереметеву после поражения, понесенного тем у Мур-Мызы в 1705 г.: «<...> таже не извольте о бывшем нещастии печальны быть (понеже всегдашняя удача много людей ввела в пагубу), но забывать и паче людей ободривать» (*Павленко*. 1994. С. 186). То есть Иван склонен перекладывать свои промахи на подданных, тогда как Петр вполне терпимо относился к действительным неудачам своих подчиненных.

Конечно, так же как и Иван, Пётр постоянно искал внешнего оправдания своим действиям, что свидетельствовало о неуверенности. Он очень цепко рационализировал свои действия, искал им постоянное оправдание, на котором едва ли не всегда «застревал». Это видно и в практике начинать все указы с объяснения («понеже...» и т.д.), и в просуществовавшей на протяжении всей Северной войны версии самого Петра по поводу ее причин – оскорбления, якобы нанесенного ему губернатором Риги во время Великого посольства (эта причина, вернее, конечно же, повод, была высказана при объявлении войны и затем неоднократно вспоминалась в различных обстоятельствах³⁸), и в той навязчивой радости, которую испытывал Петр по поводу захвата «изменника Якушки», Якова Янсена, предательству которого в числе других причин Пётр приписывал провал первого Азовского похода. Разница состояла в том, что действия Петра, нуждавшиеся в оправдании, все-таки носили более продуктивный характер. Иван базировал свою идентичность на образе «карающего меча» божьего, земного последователя архангела Михаила³⁹, тогда как Пётр – на образе учителя и «отца отечества», хотя и в его идентичности присутствовала жесткая, насильственная составляющая, но более рационализированная и целенаправленная.

Показательны в этом плане отношения обоих царей с религией. В отличие от Ивана, Пётр не проявлял болезненной религиозности и, будучи глубоко верующим человеком, пренебрегал большей частью традиционных церковных обрядов, в частности, редко в зрелом возрасте ездил в паломничества по монастырям, что часто проделывал Грозный, замаливая грехи. Пётр также не был свободен от сомнений в своих действиях, но вел себя в этом отношении скорее в протестантской парадигме (хорошо известна его симпатия к протестантизму) – укреплял веру в себя успешной практической деятельностью. Да, Пётр, как и Иван, все свои действия соотносил с Божьей волей, однако его вера выполняла, как это и положено «в норме» для человека традиционного общества, компенсаторную функцию, помогая снять напряжение индивидуальной ответственности, тогда как для Ивана в его глубоко невротическом состоянии она оборачивалась другой (не менее важной) своей стороной. Средневековое сознание все свои страхи обычно облекало в религиозную форму. На современном этапе роль «родителя» (по терминологии

³⁸ В 1719 г., посылая войска разорять Швецию, Пётр издал манифест, в котором подчеркивал, что главная причина войны – оскорбление, нанесенное ему в Риге графом Дальбергом (Костомаров. 1995. С. 405).

³⁹ См. об этом: *Панченко*. Указ. соч. С. 69–72.

Э. Берна⁴⁰) в человеческой психике часто играют такие светские установления, как законодательство и карательные органы, в традиционном же обществе основным источником прессинга являлся Бог.

И все-таки и Иван, и Пётр – фигуры гораздо более авторитарного порядка, нежели, тот же Людовик XIV, чьи обстоятельства социализации также были крайне неблагоприятными. Это выводит нас на необходимость обращения к сравнению социокультурных контекстов.

Иван IV взшел на престол на волне успехов государственного строительства. При его деде Иване III и отце Василии III окончательно формируется централизованное государство и укрепляется власть «государя всея Руси» (так впервые наименовал себя Иван III). Но тенденции самодержавства имели корни в более ранних временах. А. Янов утверждает, что вплоть до времени Ивана III (включительно) Россия была типичным европейским государством, и лишь Иван Грозный заставил ее свернуть с «благополучного» пути⁴¹. Однако еще А.А. Зимин убедительно показал, что успешный исход Феодалной войны для Василия II означал победу крепостнического и авторитарного варианта развития Руси: «Итак, слепой, немудрящий правитель вернул свой престол. Его противники повергнуты были во прах. Единство земель вокруг Москвы было восстановлено. Но какой ценой? “Гнездо Калиты” было ликвидировано. На смену “гнезду Калиты” пришла семья великого князя, а там был уже лишь шаг и до одного самодержца типа Ивана IV Васильевича. Появилось и столь редкое в предшествующее время средство борьбы с непослушниками – массовые казни. Они стали заключительным аккордом правления Василия II. Московские казни дворян, пытавшихся освободить серпуховского князя, были устрашающими»⁴². И ведь сам Иван III недаром был прозван Грозным, достаточно вспомнить его новгородские походы, предшествовавшие страшному погрому Новгорода его внуком. Представляется, что вся московская властная традиция начиная с Ивана Калиты имела весьма явную авторитарную направленность, хотя первые ростки этой тенденции историки видят еще в правлении Андрея Боголюбского, первого русского правителя, называемого самовластцем. Таким образом, Иван IV получил в наследство жесткий формат отношений правителя и народа, что и сделало возможным все крайности его правления, спровоцированные его личностными проблемами. Показателен начальный эпизод oprичнины – знаменитый отъезд царя в Александрову слободу и последующие пере-

⁴⁰ См.: Берн. 2001.

⁴¹ См.: Янов. 2001.

⁴² Зимин. 1991. С. 210.

говоры с москвичами о возвращении. Горожане и не пытались противиться требованию Иваном, как бы мы сейчас сказали, чрезвычайных полномочий именно потому, что авторитарный стиль правления давно стал частью единой нефиксированной установки русского народа⁴³.

Однако напряженность ситуации придавало и то, что, утверждение концепций самодержавия в умах русских правителей и все более широкое их распространение среди подданных (достаточно вспомнить Ивана Пересветова и Вассиана Топоркова) сочеталось с прочно укоренившимися аристократическими традициями среди княжат и крупных боярских родов. Именно это столкновение противоречивых тенденций во многом провоцировало конфликты времен правления Ивана IV.

Несколько иная ситуация сложилась в XVII в., который, по сравнению с XV и XVI вв., хотя и считается в литературе временем зарождения абсолютизма, на самом деле характерен ослаблением позиций самодержавия как следствием «московского разорения» начала века. Династия Романовых не могла похвастаться древностью, к тому же являясь избранной, а не «природной» (вспомним, что именно в этом упрекал Иван Грозный некоторых своих заграничных «коллег», подчеркивая собственное превосходство⁴⁴). Нельзя отрицать, что к концу века авторитет царской власти значительно укрепился, прежде всего, благодаря Алексею Михайловичу, однако в целом в этот период в России складывается ситуация, отдаленно напоминающая западноевропейскую, – правитель был вынужден более гибко выстраивать свои отношения с подданными. Правда, цивилизационная специфика оказалась все же сильнее – в Русском государстве не было нескольких по-разному социально-ориентированных центров силы, как в Европе с ее глубокими традициями сильной знати, церкви и бюргерской самостоятельности. Замечательный пример – городские восстания середины XVII в., резко обозначившие противоречия между интересами городских слоев и царской власти, предпочитавшей опираться на феодальную верхушку. Отличительной чертой русского самодержавия от европейского абсолютизма и является, как кажется, его зависимость от одной единственной силы – феодалов, в чьих интересах и проводилась его политика в тече-

⁴³ На это указывал еще Н. И. Костомаров: «Царь Иван рубил головы, топил, жег огнем своих ближних слуг: народ не роптал, не заявлял ужаса и неудовольствия при виде множества казней, совершаемых часто всенародно. <...> Причину безучастия народа скорее следует искать в общем качестве масс, привыкших к повиновению» (*Костомаров*. 1989. С. 51–52).

⁴⁴ См., напр.: Послание Ивана IV польскому королю Стефану Баторию 1579 года. С. 248–251.

ние всех предыдущих и последующих столетий (если заглянуть в будущее – это один из корней победы социалистического пути, который некоторые исследователи называют традиционалистским, над буржуазным в 1917 г.). Действительно, и Алексей Михайлович, и Фёдор Алексеевич, и даже сам Пётр I (как хорошо показал П. Бушкович⁴⁵) вынуждены были учитывать расстановку сил в среде аристократии и могли лавировать, но лишь между ее различными группировками, не представлявшими по-настоящему альтернативных путей развития для страны, но лишь свое видение продолжения единого магистрального направления – огосударствления и крепостничества.

Так или иначе, но, повторю, монархи XVII в., будучи настоящими самодержцами, проявлявшими беспардонность и авторитарные замашки в отношении со своими подданными, не позволяли себе того, что вытворял Иван Грозный. Это относится и к Петру. То есть сама степень напряжения между самосознанием его как правителя, и аристократией была, по сравнению с эпохой Ивана, снижена. К тому же следует учитывать влияние на политическое поведение Петра его сознательной ориентации на западные ценности.

Однако в течение XVII века очевидна тенденция к новому усилению авторитарности власти. Если сравнить стиль поведения Петра с его непосредственными предшественниками – отцом Алексеем и братом Фёдором, то он более резкий и жесткий. Это было связано с сопротивлением традиционных структур преобразованиям, порождавшим ситуацию, когда преодолеть это сопротивление можно было, только сломив его волевыми усилиями. Характерным свидетельством «переходности» является поведение Алексея Михайловича в деле боярыни Морозовой. Он был вынужден месяцами «увещевать» послушницу и приверженку старого благочестия. П.В. Седов наглядно обрисовывает сложность ситуации: Алексей Михайлович не мог осудить строптивую боярыню без согласия Думы, но и Дума могла позволить себе лишь пассивное молчаливое сопротивление. Исследователь приводит выдержку из «Повести о боярыне Морозовой»: «Нача с боярыи своими совет творити о ней, что ей хоцет сотворити. И бысть в Верху не едино сидение об ней, думающе, како ю сокрушат. И бояре убо вси, видяще неправедную ярость и на неповинную кровь составу злый, не прилагаяхся к совету – но точно возразити злаго не могуще, страха ради молчаху»⁴⁶. Пример очень яркий. Такое проявление нерешительности со стороны государя явст-

⁴⁵ Бушкович. Указ. соч.

⁴⁶ Цит. по: Седов. 2008. С. 165.

венно отлично от способов решения подобных конфликтов не только его сыном Петром, но и их предком Иваном IV, хотя и здесь звучит характерное для взаимоотношений русского царя и его подданных слово – страх. К тому же закончилась эта история вполне в духе Ивана Грозного: так и не добившись покорности от Морозовой и ее «подельщиц», царь дал тайный приказ уморить их голодом в заключении. Как комментирует это П. В. Седов, «бессилие власти часто порождает жестокость ее действий». И все же «вспышки царского гнева было достаточно, чтобы погубить нескольких придворных, но пойти на конфликт со всем своим окружением Алексей Михайлович не осмелился, и он несколько раз был вынужден идти на компромисс»⁴⁷.

Есть еще яркие свидетельства некоего «среднего» варианта поведения Алексея Михайловича. Сохранились его письма к провинившимся боярам, в которых он упрекает и критикует их за те или иные проступки, однако тут же звучат утешения. Например, царь писал к боярину князю Г. С. Куракину, отказавшемуся выполнить царский указ: «Почто вознесся? Что ж возношение его?» Однако заканчивается письмо следующими словами: «И то все писано к нему, боярину, хотя добра святой и восточной церкви и чтобы дело Божие и его государево совершалось в добром полководстве, а его боярина, жалую и хотя ему чести и жалея его старости»⁴⁸ (ср. стиль письма Петра к Шереметеву, процитированного выше). При этом хорошо известны «невинные» развлечения Алексея Михайловича, любившего купать в пруду опоздавших на прием придворных. Он мог и матерно обругать кого-либо из бояр или даже патриарха, или оттащить за бороду не угодившего ему царедворца⁴⁹.

И все же Алексей Михайлович жил в обстановке большей зависимости от окружения и получил «нормальное» воспитание, а потому был вынужден лавировать, как западноевропейские монархи. Пётр же, из традиционного воспитания выключенный, но хорошо усвоивший представления о превосходстве царской власти (в отношении церкви его проявляли и Алексей Михайлович, и Фёдор Алексеевич) без понимания ее границ, но видевший в детстве возможность этих границ, подавляет все сословия. Следующие за ним монархи будут вынуждены вернуться к уступкам дворянству – в этом характерное отличие самодержавия от

⁴⁷ Там же. С. 173. Между прочим, и Пётр, расправляясь с отдельными аристократами (например, сибирским губернатором князем Матвеем Гагариным), также не посмел устроить тотального террора, подобного опричному, даже когда открыл огромные масштабы злоупотреблений в среде своих сподвижников в 1717 г..

⁴⁸ Седов. Указ соч. С. 20.

⁴⁹ Примеры см.: *Ключевский*. 1990. С. 111–113.

абсолютизма: как это ни парадоксально, оно более связано со старой феодальной элитой, так как само мешает вырваться альтернативным общественным силам, а потому попадает в зависимость от одной опоры – дворянства, от чего западные монархи уходят в период Перехода.

Вынужденный реагировать на расстановку сил в рядах элиты, Пётр болезненно относился к подобным ограничениям своей власти, что выражалось не в такой страшной форме, как опричнина, но в смеховой и игровой сфере, которая выполняла компенсаторные функции, не мешая практической деятельности. У Ивана же эта сфера часто превалировала, порождая срывы, которых не было у Петра (не считая отдельных приступов гнева, не превращавшихся в тотальную систему поведения).

Жесткость действий Ивана и Петра объясняется одной общей чертой их реформаторских действий, иллюстрирующей специфику модернизационных процессов (ее легко обнаружить и в реформах восточных правителей XIX в., например, Турции и Китая) – их деятельность не имела той широкой социальной базы, которой обладали монархи Запада эпохи Перехода. Мы не увидим, в чью пользу проводились эти реформы, именно в силу догоняющего характера российской модернизации, так как здесь не существовало зрелых общественных сил, могущих потребовать грамотных результатов. Реформы проводились в интересах государства как надличностной силы, скажем, для общей пользы (хотя нельзя сбрасывать со счетов личностно-властных и других мотивов, которыми руководствовались конкретные реформаторы). Лишь небольшая часть элиты имела представление о целях и программе реформ, более того, лишь эта группка во главе с правителем понимала, что эти реформы нужны. Эти обстоятельства и порождали агрессивный, насильственный характер преобразований.

Следует отметить и тот очевидный факт, что во всех странах радикальные перемены требовали решительных, часто жестких действий. Слишком живуч миф, с удовольствием поддерживаемый российской элитой, о плавном, «безгрешном» процессе западного типа модернизации. На самом деле его эндогенный характер определял лишь его относительную органичность и поступательность, но никак не мягкость и бескровность. Ибо западная модернизация проводилась с помощью экспроприации народных масс (вовсе не Сталин изобретатель идеи индустриализации за счет крестьянства), кровавого законодательства, чудовищного ограбления неевропейских стран, идеологической базой

которого был расизм (не Гитлер первым изобрел расовую теорию господства) и, наконец, страшных эксцессов революции⁵⁰.

Итак, сравнительный анализ личностей двух видных зачинателей российской модернизации демонстрирует следующее. В их личном и политическом поведении явственно проявляются сходные черты (прежде всего, жестокость, отсутствие стремления считаться с жертвами и мнением окружающих, низкий уровень «цивилизованности») порожденные тремя рядами обстоятельств. Во-первых, это проблемы их социализации, становления идентичности. Во-вторых – особенности российского властного кода, характеризующего авторитарными чертами и строго вертикальными отношениями монарха и подданных. И, в-третьих, это легко прослеживаемая в типологическом разрезе специфика начальных этапов модернизации в большинстве стран, как Запада, так и Востока, повсеместно связанных с силовыми действиями, необходимыми для преодоления своего рода «барьера традиционности».

Однако, как было показано выше, между Иваном Грозным и Петром I можно обнаружить и существенные различия. По сравнению со своим царственным предшественником, Пётр предстает как человек, способный к обузданию своих эмоциональных импульсов, умеющий более уверенно преодолевать жизненные кризисы, и, в качестве правителя, добиваться более прочных результатов преобразовательной деятельности. Эти отличия объясняются двумя группами факторов. Во-первых, обстоятельства детства Ивана не дали ему возможности приобрести устойчивые установки конструктивной активности, оставив его в плену невротической неуверенности, порождавшей постоянные психологические срывы, чреватые проблемами не только личностного, но и общегосударственного масштаба. Пётр же с детства получил «вкус» к созидательной деятельности, в которой и черпал позитивную энергию. А во-вторых, ко времени воцарения Петра Россия прошла несколько далее по пути оцивизовывания (в терминологии Н. Элиаса), что проявлялось в более сбалансированных отношениях между монархом и политической элитой, сложившихся на протяжении XVII столетия, когда первый был вынужден учитывать интересы второй и искать по возможности компромиссных решений. Это во многом и объясняет более успешный формат петровской преобразовательной политики, доказанный живучестью многих ее результатов.

⁵⁰ Из дискурса сегодняшней политической и, что еще печальнее, ученой элиты, вытекает ощущение, что революционный, уродливый по своей сути, путь был свойственен лишь нашей стране, тогда как на самом деле Россия – пожалуй, единственная страна мира, стыдящаяся своего революционного прошлого.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Пер. с англ. под ред. Н. Бурьгиной, Р. Кучкаровой. СПб.: Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2002. 640 с.
- Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721—1725. Ч. 1 // Неистовый реформатор. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. 2000. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII—XX вв.). С. 105—502.
- Блюш Ф.* Людовик XIV / Пер. с фр. Л. Д. Тарасенковой, О. Д. Тарасенкова / Науч. ред. В. Н. Малов. М.: Ладомир, 1998. 815 с.
- Богословский М. М.* Петр Великий: материалы для биографии: В 6 т. Т. I. Детство. Юность. Азовские походы, 30 мая 1672 — 9 марта 1697 / Отв. ред. С. О. Шмидт; подгот. текста А. В. Мельникова. М.: Наука, 2005. 535 с.
- Бушкович П.* Пётр Великий: Борьба за власть (1671—1725) / Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой / Под ред. Д. М. Буланина. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2008. 544 с.
- Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 286 с.
- Ключевский В. О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1990. 624 с.
- Костомаров Н. И.* Личность Ивана Васильевича Грозного // *Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования. В двух книгах. Книга первая. М.: Книга, 1989. 239 с. (Историко-литературный архив).
- Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей в 2-х книгах. Книга 2. Выпуски пятый, шестой, седьмой. М.: Сварог, 1995. 816 с.
- Куракин Б. И.* Гистория о царевне Софье и Петре // *Богданов А. П.* Царевна Софья и Петр. Драма Софии. М.: Вече, 2008. С. 266—332.
- Курбский А. М.* Из «Истории о великом князе московском» // Царь Иван IV Грозный. Самодержавный и самовластный. Свидетельства прижизненные. Да ведают потомки... / Изд. подг. С. В. Перевезенцев. М.: Русский мир, 2005. (Русский мир в лицах). С. 340—352.
- Любарский Я. Н.* Царь-мим (к проблеме образа византийского императора Михаила III) // Византия и Русь. М.: Наука, 1989. С. 56—65.
- Матвеев А. А.* Записки // Рождение империи. М.: Фонд Сергея Дубова 1997. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII—XX вв.). С. 359—414.
- Николаева И. Ю.* Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 302 с.
- Николаева И. Ю., Карагодина С. В.* Природа смеха и природа власти Ивана Грозного и Козимо Медичи: сравнительный анализ в контексте раннеевропейских процессов Перехода // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой, Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 119—145.

- Павленко Н. И.* Пётр Великий. М.: Мысль, 1994. 591 с.
- Панченко А. М., Успенский Б. А.* Иван Грозный и Пётр Великий: концепции первого монарха // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1983. Т. 37. С. 55–60.
- Первое послание Ивана Грозного А. Курбскому // Царь Иван IV Грозный. Самодержавный и самовластный. Свидетельства прижизненные. Да ведают потомки... / Изд. подг. С. В. Перевезенцев. М.: Русский мир, 2005. (Русский мир в лицах). С. 326–328.
- Пётр Великий в его изречениях. М.: Художественная литература, 1991. 127 с.
- Погосян Е. А.* Пётр I – архитектор российской истории. (Серия «Территория культуры»). СПб.: Искусство-СПб, 2001. 424 с.
- Послание Ивана IV польскому королю Стефану Баторию 1579 года // Царь Иван IV Грозный. Самодержавный и самовластный. Свидетельства прижизненные. Да ведают потомки... / Изд. подг. С. В. Перевезенцев. М.: Русский мир, 2005. (Русский мир в лицах). С. 248–251.
- Седов П. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. 2-е изд., испр. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2008. 604 с.
- Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М.: Наука, 1980. 247 с. (Серия «История нашей Родины»).
- Слова царя Ивана IV Васильевича на Стоглавом соборе 1551 года // Царь Иван IV Грозный. Самодержавный и самовластный. Свидетельства прижизненные. Да ведают потомки... / Изд. подг. С. В. Перевезенцев. М.: Русский мир, 2005. (Русский мир в лицах). С. 115–125.
- Узнадзе Д. Н.* Психология установки. СПб.: Питер, 2001. 416 с.
- Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. Самоанализ / Пер. с англ. Г. В. Бурменской. М: Прогресс, 2000. 478 с.
- Шлихтинг А. С.* Новое известие о России времени Ивана Грозного / Пер. А. И. Малеина. Л.: Наука, 1934. 63 с.
- Эриксон Э.* Детство и общество / Пер. и науч. ред. А. А. Алексеева. СПб.: «Речь», 2000. 416 с.
- Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ., общая ред. и предисловие А. В. Толстых. М.: Флинта; Московский психолого-социальный ин-т; Прогресс, 2006. 352 с.
- Юль Ю.* Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.). С. 9–396.
- Янов А.* Россия: У истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 559 с.
- Ярош К.* Психологическая параллель. Иоанн Грозный и Петр Великий. Харьков: б. и. 1898. 56 с.

Мухин Олег Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Томского государственного педагогического университета; himan1@rambler.ru